

Arta muzicală

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ МУЗЫКИ 1920 – 1930-х ГОДОВ

PROBLEME ȘI PERSPECTIVE ÎN STUDIAREA MUZICII NAȚIONALE DIN ANII 1920 – 1930

PROBLEMS AND PROSPECTS OF STUDYING THE NATIONAL MUSIC OF THE 1920s – 1930s

СВЕТЛАНА ЦИРКУНОВА,

кандидат искусствоведения, профессор,
Академия Музыки, Театра и Изобразительных Искусств

В опоре на архивные материалы и документы в статье анализируются факты, связанные с музыкальной культурой Бессарабии 1920 – 1930-х гг. Внимание привлечено к историко-этнографической деятельности Г. Безвиконного, который собрал и сохранил воспоминания многих деятелей отечественной культуры того времени. Крупным планом также показан один из представителей бессарабской интеллигенции межвоенного двадцатилетия – хормейстер, дирижер, педагог, композитор и общественный деятель В. Булычев. Намечены некоторые проблемы современного национального музыковедения в области изучения отечественной музыкальной культуры и определены возможные пути их решения.

Ключевые слова: музыкальная культура, архивные материалы, Бессарабия, МАССР.

Pe baza materialelor și documentelor de arhivă, în articol se analizează unele fapte din cultura muzicală basarabeană ale perioadei interbelice. Se atrage atenție asupra activității istorico-etnografice a lui Gh. Bezviconii care a cules și a păstrat amintirile personale ale reprezentanților de vază ai culturii autohtone din perioada respectivă. În prim-plan este prezentat și V. Bulăciiov, maestrul de cor, dirijor, pedagog, compozitor și persoană publică din anii 1920 – 1930. Sunt schițate unele probleme actuale ale muzicologiei contemporane autohtone în domeniul studierii culturii muzicale naționale și sunt formulate căile posibile de rezolvare a lor.

Cuvinte-cheie: cultura muzicală, materiale de arhivă, Basarabia, RASSM.

On the bases of archival materials and documents the paper analyzes some facts associated with the musical culture of Bassarabia of the 1920s - 1930s. Attention is drawn to the historical and ethnographic activities of G. Bezvikonny, who collected and preserved the memoirs of many representatives of the country's culture of the time. The author highlights the figure of V. Boulichev - choirmaster, conductor, teacher, composer and public activist. There is an outline of some of the problems of modern national musicology in the field of studying national musical culture and the possible ways of solving them.

Keywords: musical culture, archival materials, Bassarabia, MASSR.

Период 20 – 30-х гг. XX века является одним из наиболее противоречиво интерпретируемых в истории музыкальной культуры Республики Молдова. Долгое время в трудах советских ученых варьировалось примерно следующее утверждение. С 1918 по 1940 гг. территория современной Республики Молдова была разделена на две части: Левобережье (между Бугом и Днестром) и Правобережье (территория между Днестром и Прутом – Бессарабия). «В Левобережной Молдавии /.../ уже в первые годы Советской власти были созданы все необходимые условия для роста материального благосостояния и культуры трудящихся масс» [1, с. 303]. В Бессарабии же «...музыкальная жизнь /.../ протекала в условиях ожесточенной борьбы передовых общественных слоев против стремления румынских захватчиков пода-

вить всякое проявление национального самосознания молдаван» [2, с. 60]. При этом, характеризуя музыкальную культуру советской Молдавии, исследователи говорили о большом внимании со стороны государственных органов к развитию художественной самодеятельности, к деятельности музыкантов-лэутаров, к работе по собиранию и записи молдавского фольклора, к первым попыткам профессионального композиторского творчества (А. Камецецкий, Н. Вилинский, С. Орфеев).

В описаниях же музыкальной действительности Бессарабии акцентировалось отсутствие государственной поддержки искусства, упадок общего уровня музыкальной культуры. Среди композиторов обычно называли лишь Е. Коку и Шт. Нягу. Реже упоминались имена М. Быркэ и В. Булычева. Многие другие музыканты-исполнители, педагоги, общественные деятели, усилиями которых формировалась музыкальная действительность Бессарабии, вообще не назывались, словно их не было вовсе. И в общем сравнении культуры Левобережной Молдавии и Бессарабии приоритет отдавался МАССР.

Такая точка зрения, обусловленная политическими установками советского периода, нуждается в существенных коррективах. Нельзя забывать, что начало 1920-х гг. (до марта 1920 года) в Левобережной Молдавии было отмечено завершением гражданской войны и ликвидацией последствий разрухи, поэтому, как пишет И. Табак, исследователь этнических процессов в Молдавии, «...народное хозяйство края находилось в тяжелом состоянии. Большинство промышленных предприятий городов было разрушено, часть их бездействовала по причине отсутствия топлива и сырья. Городские жители перебирались в деревню, что привело к некоторому сокращению численности городского населения» [3, с. 62]. В сущности, Левобережная Молдавия представляла собой к 1918 году аграрную окраину УССР, в состав которой она входила.¹

Аналогичную точку зрения высказывает и О. Горянская, специально изучавшая по архивным материалам состояние культуры в Левобережной Молдавии данного периода. Она, в частности, пишет: «Территория Левобережного Приднестровья по своему хозяйственно-экономическому и социально-культурному уровню оставалась отсталой /.../ по сравнению с Бессарабией. /.../ Этому краю еще предстояло пройти путь накопления культурного потенциала и творческих традиций. Экономическая послевоенная разруха, очень небольшое количество интеллигенции, пестрота национального состава населения – все это предопределило длительность преобразований» [4, с.115 – 116].

Действительно, в 1920 – 1930-е годы культурное строительство в МАССР носило агитационно-просветительский характер и выражалось в создании клубов и кружков художественной самодеятельности, причем, во многом эти процессы носили стихийный характер. Например, О. Горянская и В. Жосул свидетельствуют: «Художественные впечатления местной публики в значительной степени были связаны с выступлениями артистов, музыкантов из массы мигрантов и эмигрантов, пересекавших территорию уезда. Вряд ли уместно говорить в данном случае об эстетической полноценности этих впечатлений, тем более что здешняя аудитория не предъявляла к исполнителям высоких требований» [5, с. 153].

Что же касается Бессарабии, то в указанный период в Кишиневе функционировали музыкальные учебные заведения, в 1923 г. организовалось Филармоническое общество, имели место попытки создания оперного театра. В городе работало большое число образованных музыкантов-исполнителей и педагогов: пианистов, скрипачей, исполнителей на духовых инструментах. Многие из них писали музыку, работали как дирижеры, выступали в качестве критиков. Периодическая печать того времени изобилует анонсами концертов, публичных лекций, объявлениями о других событиях культурного значения.

¹ Этот же исследователь указывает, что «...в период существования МАССР городскими поселениями здесь считались Тирасполь и поселок Рыбница» [2 с. 65].

Таким образом, насущной задачей современного отечественного музыковедения является необходимость объективно, без политической ангажированности, с опорой на исторические документы, раскрыть и оценить факты, имевшие место в Бессарабии и МАССР в 1920 – 1930-е гг.

Нужно сказать, что первые шаги в этом направлении уже сделаны. Так, еще в 1960 – 1970-е гг. выходит из печати ряд публикаций Б. Котлярова, в которых содержатся примеры из области музыкальной культуры Бессарабии [6]. Интересные сведения о культурной жизни края названного периода имеются и в монографии Э. Голубевой о развитии молдавского балета [7]. Ряд изданий Г. Чайковского-Мерешану, в частности его монографии о композиторе М. Быркэ и о развитии музыкального образования в Молдове также приоткрывают завесу над событиями межвоенного двадцатилетия в Бессарабии [8]. Названные ранее публикации О. Горянской и В. Жосула можно считать началом исследования реальной музыкальной действительности МАССР 1920 – 1930-е гг.

Основным предметом рассуждений настоящей статьи тоже является музыкальная культура Бессарабии. В частности, представляется необходимым заострить внимание на одном из ценнейших источников информации о событиях музыкальной жизни Кишинева указанного периода. Речь идет о деятельности Георгия Гавриловича Безвиконного (1910 – 1966) – историка и краеведа, представителя кишиневской интеллигенции, благодаря которому многие факты культурной жизни Бессарабии 1920 – 1930-х гг. дошли до наших дней и стали достоянием истории. Будучи беспредельно преданным своему делу, он, с благородством и истовостью настоящего ученого-патриота, в своих работах увековечил имена видных личностей национальной культуры и собрал сведения об их деяниях.

Г. Безвиконный родился в Житомире в семье чиновника Дунайско-Черноморского пароходства. Вскоре после его рождения семья переехала в Кишинев, где Г. Безвиконный закончил I кишиневскую гимназию. Здесь у него возник интерес к истории. Он стал писать статьи, публиковавшиеся в местной прессе.

В 1933 г. Г. Безвиконный основал журнал *Из нашего прошлого (Din trecutul nostru)*, который выходил до 1940 г. и в котором печатались материалы по истории культуры Кишинева и Бессарабии. Поначалу Г. Безвиконный был единственным автором статей журнала, постепенно круг авторов расширялся. За время существования журнала вышло примерно 2000 страниц текста, содержащего заметки историко-краеведческого, публицистического, культурологического и искусствоведческого характера, иллюстрированные большим числом (около 700) фотографий. Позднее исторические статьи Г. Безвиконного публиковались не только в его журнале, но и в энциклопедических изданиях Румынии.

Г. Безвиконный является также автором ряда книг: *Армяне в Бессарабии* (1934), *Молдавское боярство между Прутом и Днестром (Voerimea Moldovei dintre Prut și Nistru, 1944)*, *Пушкин в изгнании* (1947), *Каталог русских рукописей в библиотеках Румынии* (неопубликовано), *Русско-румынские отношения. Библиография* (неопубликовано), *Последний лишний человек*, роман (неопубликовано) [9].

В 1940 г. Г. Безвиконный переехал в Румынию и до конца своих дней жил в Бухаресте. Перед смертью (в 1966 г.) весь свой уникальный архив Г. Безвиконный завещал государству: часть – Центральному государственному архиву МССР, часть – архивам Румынии. Собранную на протяжении многих лет коллекцию картин и рисунков Г. Безвиконный передал в дар Кишиневу.

Именно Г. Безвиконный собрал и сохранил воспоминания многих деятелей молдавской культуры прошлого, например, *Жизнеописание композитора К. К. Романова*, *Воспоминания композитора В. А. Булычева*, *Мемуары Л. Липковской* и др. В Национальном архиве Республики Молдова имеется его фонд (Р-2983), в котором содержатся такие документы как: *Европейское турне Михаила де Сикард*. *Некоторые отзывы иностранной и русской прессы*, *Програм-*

мы симфонических концертов Кишинева (1926 – 1940), партитура Литургии В. Булычева, Фотографии композитора К. Романова и др.

Однако большая часть литературно-исторического наследия Г. Безвиконного (в том числе подшивки газеты *Din trecutul nostru*) недоступна широкому читателю. Для знакомства с ним необходима длительная и кропотливая работа в архивах Бухареста (возможно, и Ясс), что представляется чрезвычайно важным для восполнения необходимых пробелов в знаниях об истории национальной культуры. По-видимому, детальное изучение материалов, архивированных Г. Безвиконным, позволит дополнить, а, в некоторых случаях, внести коррективы в имеющиеся представления о событиях и исторических личностях Бессарабии 1920 – 1930-х гг.

В настоящей статье, опираясь на хранящиеся в Национальном архиве Республики Молдова (в том числе в фонде Г. Безвиконного) исторические документы и выдержки из кишиневских газет, попытаемся представить «крупным планом» деятельность одного из них – В. Булычева.

Человек широкой эрудиции и культуры, Вячеслав Александрович Булычев был одной из самых заметных фигур в художественной жизни Кишинева 1918 – 1940 гг. Хормейстер, композитор, музыкально-общественный деятель, он оказывал значительное влияние на формирование атмосферы творчества в среде бессарабской интеллигенции.

В. Булычев родился 12 сентября 1872 года в Пятигорске. Его отец – артист провинциальных театров, происходил из Нижнего Новгорода², дед Вячеслава Александровича был нижегородским купцом. Отец будущего музыканта вскоре после рождения сына оставил семью, и мать с двухлетним Вячеславом переехала в Москву. Здесь позднее В. Булычев учился на юридическом факультете Московского университета. Одновременно был вольнослушателем Московской консерватории. Занимался по композиции и контрапункту у С. Танеева, что заложило фундамент его глубокого увлечения полифонией старых мастеров, а также стало основой для дальнейшей дружбы двух музыкантов.

Свой путь хормейстера В. Булычев начал в Московском университете в качестве помощника регента студенческого хора (В. Г. Мальма). В дальнейшем идея о широкой пропаганде хоровой полифонической музыки воплотилась в созданном им в 1897 г. первом симфоническом хоре. Потом В. Булычев организовал хор *Пречистенских курсов* для рабочих, а в 1901 г. – Московскую *Симфоническую капеллу*³. Капелла состояла в подавляющем большинстве из певцов-любителей, где «...наряду с профессиональными музыкантами были, по словам Булычева, «далекие от культурной музыки» токари, слесари, портные, которым он бесплатно преподавал основы хорового искусства, музыкальную теорию...» [10]. Исполнялись произведения XV – XVI веков: Дюфаи, Обрехта, Окегема, Лассо, Палестрины. Особенно большое место занимали сочинения И. С. Баха. Кроме самого В. Булычева, в капелле преподавали Р. Глиэр, В. Левченко, Я. Лосев, А. Метнер, позднее – М. Иванов-Борецкий. Большое участие в деятельности капеллы принимал С. Танеев.

У семьи Булычевых было имение Горинское в Костромской губернии⁴. Осенью 1918 г. крестьяне этого села предупредили В. Булычева о готовящихся против него репрессиях, и Вячеслав Александрович отправился в Киев к своему другу Р. Глиэру в поисках нового места жительства и работы. По дороге В. Булычев заехал в Кишинев.

2 В Нижнем Новгороде в 1859 г. родилась и сестра отца Надежда Васильевна Булычева – известная оперная певица. Она пела в опере *Фауст* в Мариинском театре, в *Аиде* и *Жизни за царя* в Большом. Успешно дебютировав в Турине в возрасте 21 года, Надежда Булычева стала кумиром публики в Италии, а позже в Испании, Португалии, Бразилии. В последние годы жизни она жила в Милане. Интересно, что в фильме Ф. Дзеффирелли *Молодой Тасканини* есть роль оперной дивы Надины Булычевой, которую исполнила Элизабет Тейлор.

3 Еще в 1890-х гг. у В. Булычева возникла мысль о вокальном симфонизме, под которым он понимал использование не только звуковысотных параметров певческих голосов, но и их тембровых характеристик, наподобие того, как пользуются инструментальными тембрами в симфоническом оркестре.

4 Когда-то в Горинском работала в прислугах Александра Алексеевна Попова, ставшая первой женой Вячеслава Александровича Булычева, в Горинском же родились их двое детей: Игорь и Валерия.

Здесь ему пришлось задержаться, так как в тот момент была закрыта граница. Остаться в Кишиневе пришлось надолго, до 1940 г.

В 1919 г. В. Булычев, продолжая дело, столь успешно начатое в Москве, создает и в Кишиневе *Симфоническую капеллу*, которая с перерывами просуществовала до 1927 года⁵. Благодаря этому коллективу кишиневцы имели возможность услышать ораторию И. Гайдна *Сотворение мира*, *Реквием* Л. Перози и многие другие шедевры мировой музыкальной классики.

В 1921 г. В. Булычев едет в Италию для получения наследства своей тетушки – певицы Надежды Булычевой. В Италии ему предлагали остаться, чтобы создать симфоническую капеллу для исполнения произведений великих итальянских мастеров. Но, желая быть ближе к России, В. Булычев возвращается в Кишинев, где продолжает работу в симфонической капелле, оплачивая из полученного наследства работу музыкантов. Спустя три года, разорившись, семья Булычевых переехала в пригород Кишинева, где Вячеслав Александрович занялся частными уроками.

Весь период жизни в Кишиневе (1918 – 1940) В. Булычев посвятил занятию музыкой: сочинению, исполнительской деятельности, педагогике. Так, в 1927 г. он принимал активное участие в торжествах, посвященных памяти Л. Бетховена. Он выступил с публичной лекцией *Бетховен, его жизнь и личность* на румынском, а затем на русском языке [11]. Кроме того, состоялись симфонические концерты из произведений Бетховена под управлением В. Булычева.

В 1928 г. столь же активное участие принял В. Булычев в мероприятиях по случаю 100-летия со дня смерти Ф. Шуберта. На основании тщательного изучения творческой биографии Ф. Шуберта им была разработана программа музыкальных вечеров, проникнутая идейно-художественным единством и дающая кишиневской публике достаточно полное представление о многогранном творчестве этого композитора. Серии концертов предшествовала обзорная лекция о жизни и творчестве Ф. Шуберта, прочитанная В. Булычевым. Для проведения торжеств им был организован хор и оркестр из состава профессоров и учащихся консерватории *Unirea* [12].

В следующем году В. Булычев дирижировал концертами, посвященными творчеству В.-А. Моцарта. Были исполнены: симфония *g-moll*, части из *Реквиема*, месса. Концерту также предшествовала лекция [13]. Вскоре после этого В. Булычев прочел цикл лекций, посвященных двум проблемам: *Искусство и нравственность* и *Музыкальное образование и его идеалы* [14].

В 1931 г. В. Булычев создал *Музыкально-историческое общество*, «...имевшее целью исполнение и пропаганду великих произведений музыки» [15]. В первом симфоническом концерте общества были исполнены три шедевра В.-А. Моцарта: симфония *Es-dur*, месса *F-dur* для хора, оркестра и органа и *Серенада для струнного оркестра* [16]. «Этот концерт дал возможность ознакомиться с крупнейшими произведениями великого мастера в живом исполнении», – писала пресса [17].

Почти сразу же при музыкально-историческом обществе была открыта и *Образцовая начальная школа музыки*, курс обучения в которой был рассчитан на два года. В этой связи в *Бессарабской почте* 29 сентября 1931 г. появилось объявление: «Бессарабское музыкально-историческое общество /.../ открывает Образцовую музыкальную школу. Отделение специальное: скрипка, фортепиано, хоровое пение, музыкальная грамота, развитие слуха, элементарная теория. Отделение общеобразовательное: фортепиано, хоровое пение и музыкальные общеобразовательные предметы. В первый класс принимаются дети от 7 – 11 лет. Плата 5000 лей в год, которую можно вносить по четвертям» [18]. В другой местной газете об этом факте писали так: «Наш город давно нуждался в правильно поставленной начальной музыкальной школе, так как большинство учащихся не имели знаний основ музыки, без чего, естественно, были лишены возможности реально продолжать свое музыкальное образование» [19].

5 Среди хористов была Нина Рожко, дочь священника – вторая жена В. Булычева.

На борьбу с этим печальным явлением и выступило Музыкально-историческое общество в форме открытия начальной музыкальной школы, председателем которой был избран В. Булычев. На церемонии открытия школы он выступил с лекцией *Как нужно обучать детей музыке*, пытаясь указать на недостатки существующей системы преподавания.

Сейчас невозможно сказать, сколько времени просуществовала названная школа. Думается, что продолжение архивной работы может внести ясность в этот вопрос.

В конце 1930-х гг. В. Булычев уделял основное внимание композиторской и педагогической деятельности. К сожалению, нам не известны его произведения. Однако Б. Котляров утверждает, что В. Булычев «...является автором 50 опусов, среди которых 3 цикла хоровых песен» [20, с. 151]. Помимо этого, Б. Котляров добавляет: «Из его более крупных сочинений напомним кантату *Правда* на текст А. Толстого, симфонические поэмы *Свобода* на стихи П. Шелли, *Восход солнца* на слова Ф. Тютчева, ораторию *Времена дня*. Он также сочинял вокальные квартеты для мужских голосов на тексты басен И. Крылова, создавая сатирические пародии на местную музыкальную жизнь» [20, с. 151].

В 1940 г., вскоре после присоединения Бессарабии к СССР в журнале *Советская музыка* В. Булычев опубликовал статью *Музыкальная жизнь Бессарабии*, в которой раскрывает свое отношение к музыкальной действительности Кишинева и которая проливает свет на его личность и склад мышления [21]. Статья эта по своему тону сдержанна, не лишена сарказма и политической конъюнктурности. В. Булычев отмечал в ней, что местное население Бессарабии чрезвычайно одарено в музыкальном отношении, а край по богатству «сырого музыкального материала представлял один из счастливейших уголков Европы» [21, с. 81]. Он приводит пример: «Однажды я встретил мальчика-чернорабочего, несущего поклажу. Он высвистывал какую-то песенку, разрабатывая ее в виде самых причудливых, но складных по форме вариаций. Я был поражен богатством его творческой одаренности и тут же подумал, что бы из него вышло, если бы поместить его в соответствующую его таланту обстановку и дать ему хорошее музыкальное образование» [21, с. 80].

Однако условия жизни в «боярской Румынии» не позволяли талантам из народа «выбиться в люди». И вообще, продолжал он, «...невозможность получить соответствующее музыкально-теоретическое образование, отсутствие музыкально-культурной среды и глубоко въевшийся дилетантизм мешали выдвижению композиторских сил из бессарабской молодежи» [21, с. 80]. Уровень музыкальной жизни Бессарабии В. Булычев оценивал как посредственный. Он писал: «Местные композиторы, несмотря на явную одаренность, ограничивались почти исключительно скромным переложением местного фольклора /.../. Более крупные проявления музыкального творчества – опера, симфония, хоровая культура – почти отсутствовали и даже преследовались, как противоречащие духу румынизации, особенно если это творчество было связано с русским сюжетом и русским языком.

Исполнительское искусство проявлялось, главным образом, в мелких, любительских формах. Преобладали «благотворительные концерты» с «танцами до утра». Симфонические же концерты представляли большую редкость, а попытки их регулярного устройства обыкновенно терпели неудачу вследствие неподготовленности публики к слушанию симфонической музыки. Кинематограф и ресторан были главными очагами, где шлифовались музыкальные вкусы местного общества. Эти музыкальные вкусы сказывались и на ассортименте нотных магазинов, на их бойкой торговле всякой музыкальной макулатурой. Еще меньший успех имели попытки насаждения в Кишиневе камерной музыки, разбираться в которой было явно не под силу местной интеллигенции» [21, с. 81].

О музыкальных учебных заведениях Кишинева В. Булычев писал, что «...наличие трех так называемых консерваторий, каждая из которых насчитывала ничтожное число учеников, свидетельствовало скорее о полном распылении местных музыкальных сил. К руководству «кон-

серваториями» нередко призывались люди, лишённые достаточных музыкальных знаний и опыта, но движимые больше личными интересами и связями в высших сферах» [21, с. 81].

В 1944 г., когда определилось политическое будущее Бессарабии в составе СССР, семья Булычевых эвакуировалась в западную часть Румынии. И здесь, «...в глухих деревнях, Вячеслав Александрович преподавал детям сольфеджио и музыкальную теорию, занимался с ними цветоводством и огородничеством» [10]. Последние годы жизни В. А. Булычева прошли в Бухаресте. Умер он 10 апреля 1959 г.

Мы не располагаем сведениями о творческой (педагогической, композиторской, исполнительской) деятельности В. Булычева в период его жизни в Румынии. Можно лишь предположить, что вряд ли такой активный человек, с прекрасным музыкальным образованием и богатым опытом в области дирижерской, лекторской, преподавательской и организаторской работы мог кардинально изменить свои профессиональные ориентиры и прекратить занятия музыкой. Поэтому одной из возможных задач отечественных исследователей-музыковедов в перспективе могли бы стать поиски родственников В. Булычева и попытки обнаружить какие-либо сведения об этом человеке, сыгравшем значительную роль в музыкальной жизни Бессарабии 1920 – 1930-х гг.⁶

Подводя итоги этому небольшому эссе о прошлом музыкальной культуры Республики Молдова, выделим некоторые наиболее острые, на наш взгляд, проблемы и определим дальнейшие перспективы в изучении отечественной музыки.

1. Как известно, одним из важнейших качеств научного осмысления истории культуры является объективность и незаинтересованность исследования, его независимость от политических, национально-классовых и прочих групповых интересов. Заново открывая историю Бессарабии и Левобережной Молдавии 1920 – 1930-х гг., представляется необходимым «очистить» уже известные факты, с одной стороны, от политической их трактовки, а, с другой стороны, от личностной, субъективистской оценки, дать им объективное толкование, основанное на достоверном документировании. Для получения историко-культурных сведений подобного качества отечественному музыковедению предстоит еще большая работа, преимущественно архивного характера. При этом представляется важным изучение архивных фондов как в Республике Молдова, так и в Румынии и в России.

2. Помимо «ревизионного» анализа уже известных фактов истории национальной культуры, необходимо дальнейшее изучение неисследованных, ранее «закрытых» для «простых смертных» зон культурной жизни страны, связанных, как правило, с влиянием государства на деятельность учреждений и отдельных представителей культуры⁷. В этом плане перспективным представляется поиск и изучение материалов, собранных и сохраненных Г. В. Безвиконным и переданных им в различные архивные и государственные фонды. На этом пути исследователей, по-видимому, ждут интересные находки и открытия.

Библиографические ссылки

1. АКСЕНОВА, Л. Музыка Советской Молдавии. В: *История музыки народов СССР*, т. 1. С. 303 – 305.
2. КОТЛЯРОВ, Б., АБРАМОВИЧ, А. *Молдавская ССР*. Москва: Музгиз, 1957. 96 с.
3. ТАБАК, И. *Русское население Молдавии*. Кишинев: Штиинца, 1990. 136 с.
4. ГОРЯНСКАЯ, О. *Из истории музыкального строительства в Левобережной Молдове в первые годы Советской власти (1920 – 1924 гг.)*. В: *Музыка в Молдове: вопросы истории и теории*. Кишинев: Штиинца, 1991. С. 114 – 144.
5. ГОРЯНСКАЯ, О., ЖОСУЛ, В. Культурная жизнь Тирасполя в 1919 году (Хроника событий). В: *Музыка в*

6 Имеются сведения, что в Румынии проживает дочь В. Булычева от второго брака Нина, а в Нижнем Новгороде живет его внук от первой жены – В. Б. Челноков, которому сейчас около 70 лет [10].

7 Данная проблема более значительна, нежели политическое противостояние Правобережного и Левобережного районов Молдавии межвоенного двадцатилетия. Думается, что важная социологическая проблема *государство – искусство* должна рассматриваться в культурологическом и широком историческом аспектах.

- Молдове: вопросы истории и теории. Кишинев: Штиинца, 1991. С. 144 – 153.
6. КОТЛЯРОВ, Б. *Из истории музыкальных связей Молдавии, Украины, России (Очерки и материалы)*. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1966. 124 с.; КОТЛЯРОВ, Б. *Музыкальная жизнь дореволюционного Кишинева*. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1967. 128 с.
 7. ГОЛУБЕВА, Э. *Из истории балета в Молдавии*. Кишинев: Штиинца, 1979. 104 с.
 8. CIAICOVSCHI-MEREȘANU, G. *Mihail Bârcă compozitor și dirijor*. Chișinău: Știința, 1995. 124 p.; CIAICOVSCHI-MEREȘANU, G. *Învățămîntul muzical din Moldova (de la origini pînă la sfîrșitul secolului XX)*. Chișinău: Grafema Libris, 2005. 275 p.
 9. *Доброе имя Молдовы. Георгий Безвиконный* [online]. [цит. 29 ноября 2013]: <http://apdance1.livejournal.com/19312.html>.
 10. *Новая выставка танеевского музея*. [online]. [цит. 1 декабря 2013]: <http://zvenik.ru/culture/398-2011-11-25-15-53-05>.
 11. Бессарабское слово, 1927, 12 апреля, № 819.
 12. Бессарабское слово. 1928, 30 октября, № 1384.
 13. Бессарабское слово. 1929, 24 апреля, № 1551.
 14. Бессарабское слово. 1929, 9 июня, № 1595.
 15. Бессарабское слово. 1931, 2 апреля, № 2256.
 16. Бессарабское слово. 1931, 15 апреля, № 2259.
 17. Там же.
 18. Бессарабская почта. 1931, 29 сентября.
 19. Бессарабское слово. 1932, 13 февраля, № 2570.
 20. КОТЛЯРОВ, Б. *Из истории музыкальных связей Молдавии, Украины, России*. Кишинев: Штиинца, 1982. 216 с.
 21. БУЛЫЧЕВ, В. Музыкальная жизнь Бессарабии. **В: Советская музыка**, 1940, № 11. С. 80 – 81.